

Соколовский, Г. Горячий край тельняшки / Г. Соколовский // Солдатскому долгу остались верны : Рассказы о судьбах, доблести и подвигах павших в боях земляков / Составитель Б. М. Наливайко. – Мн. : Харвест, 2004. – С. 185–201.

ГОРЯЧИЙ КРАЙ ТЕЛЬНЯШКИ

Не обо всех воинах, совершивших подвиги на афганской земле, писали в газетах, рассказывали по радио, в телепередачах. Длительное время умалчивалось и имя гвардии старшего сержанта Александра Мироненко, служившего в Краснознаменном Белорусском военном округе.

29 февраля 1980 года он погиб в неравном бою в предгорьях Гиндукуша. Указом Президиума Верховного Совета СССР старшему сержанту Александру Григорьевичу Мироненко присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Восполним этот пробел.

Александр Мироненко... Если бы он прожил большую жизнь, то, видимо, легче было бы о нем рассказывать. А что можно поведать о юноше, только что вступившем в жизнь? Родился в городе Душанбе. Там окончил школу, строительный техникум. Там, на берегу Душанбинки, встретил первую любовь. Ничем особенным не выделялся: учился, занимался спортом, читал книги, бегал в кино, мечтал. Словом, обыкновенный, таких сотни, тысячи.

Удивительно, однако, другое: короткая жизнь наполнилась огромным содержанием. Ведь не прожитые годы измеряют содеянное, а то, что сделано, во имя чего и для кого.

В свои неполных двадцать лет Александр совершил поступок, на который способен далеко не каждый. Откуда истоки его подвига? Как росло и укреплялось в юноше великое чувство любви к Родине?

Однажды, еще в школьные годы, он смотрел по телевизору программу "Служу Советскому Союзу!". Показывали десантников. Сила, ловкость, мужество, красота — все это так всколыхнуло сердце юноши, что он после только и думал о том, как осуществить свою мечту — стать десантником. Не удержался и сказал матери о своем решении.

— Зачем тебе, сынок, лезть в эти самые десантники?— спросила она. Потом после раздумий сказала:

— Если ты уж решил, тогда не отступай от своей мечты. Пусть будет так, как хочешь.

Саша записался в аэроклуб. В него увлек одноклассников: вместе было веселее постигать парашютную науку. С нетерпением ждал того часа, когда придется совершить первый прыжок самостоятельно. И вот он настал. Не сравнимое ни с чем чувство охватило его, когда огромный шуршащий купол, наполненный небом, стал опускаться к земле. Этот день, первый в жизни прыжок с парашютом запомнились ему на всю жизнь. Десятки раз он рассказывал о нем маме, любимой. Говорил, что тех, кто имеет несколько прыжков, будут призывать в воздушно-десантные войска. Делился этой радостью и с друзьями. А их у него было немало.

Они часто собирались вечерами в квартире, где жил Александр. Мать по такому случаю пекла пироги, заваривала чай. Ребята балагурили и веселились. Валентина Гавриловна не

вмешивалась в их разговоры. Она присаживалась в углу комнаты и радостно смотрела на задорных ребят.

— Саша, возьми гитару,— говорил, бывало, Вадим Павлов, его закадычный друг.— Давай споем!

Их песни заставляли и грустить, и улыбаться, и мечтать, будили в сердцах юношей добрые чувства. Такие вечера устраивались часто.

Когда провожали Александра в армию, народу собралось со всей улицы. Мать впервые увидела сына с другой стороны: как его уважали. Он не говорил громких слов, а лишь подошел к матери и сказал:

— Мама, не волнуйся, за меня тебе краснеть не придется. Сбылась мечта Александра. Он стал десантником. С гордостью надел тельняшку, берет!

Дни до предела заполнились боевой учебой. Мироненко не давал мускулам послабления. Его настойчивость, упорство и трудолюбие заражали других. Сослуживцы не отставали от него. О том, каким был Мироненко и как он постигал военную науку, вспоминает офицер Василий Михайлович Кустрьо:

— Он быстро возмужал и, как говорится, вырос в нашем подразделении. Мы, офицеры, рассмотрели в нем будущего младшего командира. И несмотря на то, что он не оканчивал «учебки», назначили его на должность командира отделения. Скажу откровенно: Александр через некоторое время стал на голову выше своих сверстников. Компанейский, деловой был командир, всегда готовый прийти на помощь. Думали предложить ему поступать в военное училище, но впереди, увы, был Афганистан...

Это произошло на тактических учениях. Предстоял многокилометровый кросс с последующим вступлением в учебный бой. Выдержать его было не так просто. Только выносливые, сильные смогли пройти всю дистанцию, сохранив способность вести прицельный огонь, передвигаться по-пластунски, если надо, вступить в рукопашную. Словом, как в настоящем бою. Слабые не выдерживали такой нагрузки.

Александр, проверяя еще и еще раз экипировку, обратил внимание на рядового Турбанбека Таюшева. Не нравилось ему его состояние, видно было, что он чем-то расстроен, волнуется не в меру открыто.

— Что случилось, земляк?— спросил его Мироненко.— Не стесняйся, расскажи. Что молчишь?

Таюшев еще больше опустил голову.

— А на смех не поднимешь? Никому не расскажешь?

— Что ты, Турбанбек! Слово даю! Отойдем в сторонку и поговорим, пока есть время до команды на построение.

— Если я сойду с дистанции, меня могут перевести в хозяйственный взвод или еще куда-нибудь подальше от настоящих десантников. Как быть, ума не приложу, — признался Таюшев.

— Рассчитывай на мою помощь,— положив руку на его плечо, сказал Александр.— Буду рядом с тобой. Договорились?'

Второй час бежали десантники. Пот заливал лицо. С каждой минутой становилось все тяжелее дышать. Рядовой Таюшев начал отставать, а потом и вовсе перешел на шаг. Александр заметил это. Подбежал к нему.

— Держись, Турбанбек, осталось совсем немного. Дай руку!

Он крепко сжал его ладонь и так вместе они прибежали на линию огня. Рота получила высокую оценку.

Помочь товарищу — принцип Александра. Он не мыслил себе оставить кого-то в беде. Это благородное чувство не покидало его и тогда, когда создавалась экстремальная ситуация на афганской земле. Об этом свидетельствует пример, о котором сержант запаса Алексей Сайкумов часто рассказывает в кругу друзей, вспоминая незабываемые дни и ночи кровопролитных схваток с моджахедами. Было это так.

В разгар боя Сайкумов оказался отрезанным от своих. Патроны у него заканчивались, а помощи ждать было неоткуда. А враги все ближе и ближе. Они намеревались взять его в плен. Десантник оставил последний патрон для себя. И вдруг, словно с неба, свалился старший сержант Мироненко. Сайкумов глазам своим не поверил: откуда мог взяться командир отделения?

— Здорово! Как ты их перехитрил, а? Сейчас мы живем, нас голыми руками не возьмешь!— Алексей удобнее пристроился за огромным камнем.

— Не расслабляться! Слушай команду. Броском — в правую сторону, а я прикрою тебя огнем,— приказал Мироненко и показал ему, в каком направлении двигаться.

Сайкумов, прижав подбородок к бронежилету, рванулся вперед. Пробежав метров десять, залег в воронке. Бросил взгляд в сторону командира. Тот короткими автоматными очередями не давал подняться моджахедам. Еще несколько рывков сделал десантник и, когда понял, что выбрался из западни, быстро занял позицию в полуразрушенном окопе, огнем помог своему командиру выйти из окружения.

У нашего народа испокон веку считалось, что друга спасти — высшая честь. Этот неписанный принцип помогал советским воинам побеждать в годы Великой Отечественной войны. Помогал он и на земле Афганистана. Таких благородных поступков на счету у Мироненко было немало. И делал он это не ради рекламы, не для эффекта, мол, смотрите, какой я. Нет. Так он был воспитан.

Спустя годы ефрейтор Андрей Горшечников, награжденный орденом Красной Звезды, писал своему бывшему командиру роты капитану Дмитрию Горбунову: *"Спешу поделиться радостью. Недавно я женился. Заканчиваю институт. Было время, отчаялся: как жить без руки? Но вспомнил вас, вспомнил, как под свинцовым градом поднимали солдат в атаку. Стало стыдно. Утратить мужество — значит, предать нашу роту, память Саши Мироненко"*. Это тот Горшечников, который в длительном походе почти терял сознание от изнурительной жары, когда на зубах хрустел песок, в горле пересыхало так, что казалось, огонь там горит. Десантники, не останавливаясь, продвигались вперед, чтобы в далеком ущелье перехватить врага. И тут на выручку Андрею пришел Александр, видя, как боевой товарищ теряет силы от раскаленного солнца и нестерпимой жары.

— Держи,— он протянул ему свою флягу с теплой, пахнущей алюминием водой.— Пару глотков сделай, полегчает...

Не забыл этой душевной доброты Горшечников...

Первый бой старший сержант Мироненко принял вскоре после ввода советских войск в Афганистан. Тогда они назывались ограниченным контингентом. Так, казалось, более пристойно мы выглядели в глазах мировой общественности. Ограниченное количество! А кто считал? Кто

знал, сколько там наших ребят? И не группа, и не полк или дивизия. Контингент. Это понятие словарь Ожегова разъясняет так: «Совокупность людей, образующих однородную в каком-нибудь отношении группу, категорию». Группы уже были. Теперь пусть будет контингент. Вот в этом многотысячном контингенте служил и десантник Александр Мироненко.

В те начальные годы пребывания наших войск говорилось о том, что они в бой не вступают, вообще войны не ведут. Действительно, войны никто не объявлял. Поэтому и не писалось о ней. Она велась там всеми людскими средствами и видами оружия. Чаще всего сообщалось, что афганские товарищи обратились к нашему командованию с просьбой оказать помощь в уничтожении той или иной группы мятежников, то ли моджа хедов, то ли оппозиционеров. Так было.

И тогда, в 1980 году, по такой же просьбе надо было освободить из тюрьмы Пули Чархи политзаключенных. Но как выполнить приказ, чтобы меньше было жертв, потерь в технике? Орешек достался не из простых.

Что такое тюрьма в горах? Это — огромное здание. Серое и мрачное. Бойницы вокруг. В них установлены пулеметы, день и ночь на сторожевых башнях маячат часовые. Значит, лобовая атака ни к чему не приведет. Окружить крепость можно, но с большим трудом, ибо горы и ущелья не так просто преодолеть. Поэтому командир группы десантников решил скрытно занять несколько удобных позиций вокруг тюрьмы и внезапной атакой ударить с этих направлений.

Главная задача отводилась бронетранспортерам, которые должны были огнем подавить сопротивление противника у ворот, протаранить их, обеспечив тем самым продвижение десантников вовнутрь тюрьмы.

— Надеюсь, понятен замысел операции «Освобождение» (так условно ее назвали в части),— сказал командир группы старший лейтенант Александр Удалов.

Он гордился тем, что ему выпала честь возглавить бой за освобождение политзаключенных.

— На головной "бэтээр" назначается командиром старший сержант Мироненко...

Томительны минуты ожидания сигнала атаки. О чем думает солдат? Говорят, что мелькают воспоминания о доме, о любимой девушке, о детстве. Ничего подобного. Это досужие литераторы выдумали, что в критической ситуации в сознании промелькнет вся жизнь. Нет, чаще всего каждый осматривает свое оружие, проверяет его готовность к бою, поправляет снаряжение, если можно, закурит или перебросится словом с другом, осмотрит местность... Для чего он это делает? "Афганцы" рассказывали: чтобы отвлечься, не думать о том, что идешь навстречу смерти, возможно, последние шаги в жизни делаешь.

Мироненко находился в БТРе, держал связь с командиром роты, посматривал на ворота тюрьмы. Он знал, что первыми атакуют десантники с севера и юга. Когда охрана сосредоточит огонь в этих направлениях, бросит на отражение атак все свои силы, тогда по команде Удалова его бронетранспортер стремительно пойдет на штурм ворот.

— Красная ракета!— доложил наблюдатель.

— Вижу,— ответил Александр и дал команду:— Вперед!

Охрана не ожидала такого поворота событий и не была готова к отражению атаки с этого направления. Тем более мощный огонь заставил замолчать несколько пулеметных точек на

вышках и в бойницах. БТР с ходу ударил по стальным воротам, и они не выдержали — рухнули. Вход был свободен. Сюда рванулись десантники.

Из тюрьмы выбегали заключенные. Радостные лица, возгласы со словами благодарности воинам, принесшим свободу. 3500 человек окружили БТР, с удивлением рассматривали боевую машину, благодарили солдат, что-то говорили. Десантники поняли, что речь шла о революции, свободе, Советском Союзе...

— Когда вел машину за ворота, страха не было, а думка лишь появилась: если устоят, что делать тогда?— говорил водитель БТР.

— Никаких "если" в бою не должно быть,— вмешался в разговор Мироненко. — Десантник должен действовать смело, решительно...

— Я, когда услышал слова старшего сержанта Мироненко «не робей, вперед», сразу же прибавил газу,— уточнил водитель и улыбнулся. — С таким командиром мы готовы хоть в огонь и воду...

На войне в Афганистане, конечно, не всем доводилось бывать в бою. Одни занимались подвозом боеприпасов, горючего, продовольствия, запасных частей к технике, другие — лечили раненых, третьи — готовили пищу... Но все вели войну. Чаще других участвовали в операциях воины-десантники. У них все имелось с собой: боеприпасы, сухой паек, иголка, нитки, мыло... Навьюченные, они могли не один день вести разведку, штурмовать объекты, держать оборону дорог, мостов в глубоком тылу врага.

В подобных боях часто принимал участие Александр Мироненко. Особенно памятным был такой.

В ту ночь после многокилометрового марша десантники попадали как убитые. В казарме воцарилась тишина. Лишь доносились размеренные шаги часового, да кто-то во сне бормотал непонятное.

Тревожный был сон. Каждый из них знал, что в любой момент надо быть готовым взять оружие и рвануться навстречу врагу. И действительно, тогда им не пришлось долго отдыхать. Через несколько секунд после сигнала "Тревога" воины стояли в строю в полной боевой готовности. Недоумевали лишь: часовой не стрелял, как это часто бывало, трассеры не чертили ночное звездное небо. Тогда в чем дело?

Приняв боевой порядок, десантники двинулись в неизвестном направлении. Командир группы старший лейтенант Александр Мостиброцкий на ходу ставил боевые задачи отделениям. Воины поняли: им надо занять круговую оборону здания государственного банка и не допустить к нему мятежников.

Ушла в ночь группа, взяв с собой все необходимое для длительного боя. Мигали в высоком небе звезды. Диким голосом кричала ночная птица. Тускло вырисовывались на небосводе вершины гор. Десантники продвигались быстро, бесшумно.

Вот и низкие глинобитные постройки. Среди них выделялись особняки. Узкие улочки. Изредка, услышав шуршание, прорычит собака из-под ворот. В одном из закоулков Мостиброцкий остановился. Блеснул лучик фонарика. Он скользнул по карте, на которой красным фломастером стрелка указывала путь к объекту. Офицер посмотрел на часы.

— Ускорить движение, — приказал он. — С подходом к дому занять указанные позиции. Без команды огня не открывать.

Многоэтажное здание появилось неожиданно. Это — национальный банк. Командир еще в штабе изучил все подходы к нему, местность вокруг и установил, что нападение могут совершить с нескольких сторон, поэтому десантники с ходу оседлали эти направления. Каждый из них твердо усвоил огневое взаимодействие, порядок подачи сигналов, как будет осуществляться связь. В общем, все было заранее продумано и взвешено.

Занимался рассвет. Вокруг здания стояла тишина, и ничто не предвещало приближавшейся бури.

Командир группы знал, что рано или поздно моджахеды появятся, попытаются ворваться в банк и похитить золото, деньги. С какой стороны они пожалуют? Сколько их будет? Какие у них силы, оружие? Об этом он мог только догадываться, наши разведанные оказались очень скудными. В одном офицер был твердо уверен: его подчиненные не подведут. Не раз он бывал с ними в опасных рейдах, и всегда воины проявляли дерзость, отвагу. Никто никогда не дрогнул в бою.

Мостиброцкий долго всматривался в предрассветные тени, скользил биноклем по затуманенной реке, но не замечал ни малейшего движения. Неужели напрасно потрачены время и силы? Возможно, ложной была тревога афганских товарищей? Нет, надо терпеливо ждать. Доложил командиру полка. Тот приказал не выдавать себя и до его распоряжения этот важный объект не оставлять.

Вскоре ему передали: замечено движение вооруженных людей вдоль берега реки. Он и сам уже их обнаружил. Шли они цепочкой в полный рост. Видимо, считали, что банк охраняет лишь один сторож. Потом несколько человек отделились и направились в сторону, где оборону занимал со своим отделением старший сержант Мироненко. Он установленным сигналом передал офицеру, что видит моджахедов.

«Визитеры» приблизились к самой ограде и начали перелезать через нее. Присутствовавший сотрудник банка окликнул их и предупредил, что они нарушают закон, вторгаясь в запретную зону. Прогремел выстрел. Пули просвистели у самого уха Мостиброцкого. Еще и еще раз им напомнили, чтобы они отошли от здания. Но в ответ со всех сторон загремели выстрелы, пулеметные очереди. Начался штурм.

Сверкнули многочисленные вспышки автоматных и пулеметных очередей десантников. Бой разгорался. Командир группы наблюдал за действиями подчиненных, координировал огонь, смотрел, чтобы враг не смог просочиться между боевыми порядками. Моджахеды после очередной атаки залегли, изредка постреливая в сторону здания.

Передышка длилась недолго. Вскоре они опять двинулись на позиции десантников. И снова грянул ответный залп. Но несколько десятков вооруженных моджахедов и не подумали отступить. Они в мгновение рассыпались и укрепились за валунами, чтобы перегруппировать силы, осмотреться. Когда утих с нашей стороны огонь, они остервенело бросились с трех направлений одновременно. И опять к земле их прижали очереди десантников.

Таяли звезды в ночном небе. Поднимался туман. Еще долго в городе бродило эхо боя. Приближался день. Моджахеды скрылись. Но десантники продолжали занимать оборону, зная о коварстве врага.

Когда к зданию подкатила «Тойота», из которой вышла группа штатских и военных, командир дал сигнал всем выйти из укрытий.

— Ташакор, аскеры! (Спасибо, солдаты!) — благодарили те, крепко пожимая ладони солдат.

Среди них был и сам министр финансов республики.

Домой писать о боях не полагалось. Да и не хотел Александр волновать мать: будет переживать, волноваться, узнав, что он находится в Афганистане.

Письмо маме он написал позже. В нем сообщал, что служба у него идет нормально, что время летит быстро, незаметно и скоро подойдет тот день, когда будет отдан приказ об увольнении из армии. В подразделении сложился дружный боевой коллектив и все задачи выполняются, как и положено.

Сердце матери не обманешь. Она чувствовала, что ее сын далеко от родных мест, что он там, в тревожном Афганистане. Переживала, волновалась, но никогда не думала, что с ним может что-то случиться... Так уж произошло, что автор этого рассказа дважды встречался с Александром. Первый раз — когда он совершил пятнадцатый прыжок. На вопрос о том, как идет служба, он ответил:

— Не признаю солдатскую службу вольготной, без трудностей. — Задумался, а потом добавил: — В бою легко не бывает. Надо себя готовить к самым трудным испытаниям.

Нравился Александр своей простотой, какой-то открытостью души. Несколько часов беседы с ним позволили сделать вот такие записи в журналистском блокноте: «Один из лучших младших командиров. Интересная личность. Самостоятельность в суждениях и действиях. Знаток военного дела. Крепок. Надо написать».

Был замысел дать о нем в газете очерк, но в те дни обстоятельства сложились так, что пришлось убыть в другую часть и отложить идею до более удобного времени. Шли бои. Каждый день приносил вести о героизме и мужестве наших воинов, о павших и раненых. Блокнот разбухал от новых примеров умелых действий десантников. А та встреча с Мироненко не выходила из головы. Но тот не журналист, кто не верит в свою звезду.

Вторая встреча произошла на афганской земле буквально за несколько часов до последнего боя, в котором участвовал Александр.

В тот день солнце заливало весенний Кабул, и люди радовались теплу, свету. Не верилось, что где-то идут бои, гибнут люди.

Лишь в нашем военном городке десантники не обращали внимания на весну. Они готовились к опасному и трудному рейду в горы. Проверялись техника, оружие. Те, кто успел понюхать пороху, подбадривали молодых солдат. А главное — вселяли уверенность в благополучном исходе рейда.

Старший сержант Мироненко построил взвод. Окинул придирчивым взглядом экипировку подчиненных. Подошел к одному солдату, другому... Кому-то поправил ремень автомата, у кого-то проверил наличие боеприпасов, спросил, знает ли свои обязанности в бою.

— Вопросы есть?— окинул он взглядом ребят.

— Разрешите,— обратился к нему ефрейтор Николай Задворный. — Сомневаюсь, хватит ли патронов?

— Патроны в бою беречь, вести огонь метко, короткими очередями. Взять больше положенного комплекта — это значит в пути израсходовать все силы, — пояснил Мироненко. — Не забывайте, что поддерживать нас будут вертолетчики, они подбросят все, что нужно.

— А что самое главное для десантника? — спросил вдруг Николай Сергеев.

Мол, посмотрим, что на это ты скажешь.

— Для десантника самое главное — быть мужественным, стойким, храбрым. Без этих качеств он — что соловей без перьев.— Мироненко не успел закончить фразу, как раздался дружный хохот.

— Что вы там балаган устроили? — послышался голос ротного.

— Психологическая разгрузка, — ответил Александр, приняв строевую стойку: — Нас ждет трудная дорога и не менее трудный бой. Уверен, что боевую задачу выполним.

Увидев командира полка возле группы офицеров, он подошел к нему четким шагом, доложил по всей форме.

В группе офицеров тогда находился и автор. Но обстоятельно побеседовать с Александром Мироненко не удалось.

— Извините, времени — в обрез...— сказал Александр. — Если не возражаете, я предлагаю встретиться после рейда. Будет о чем рассказать.

Предложение было логичным, и с Александром пришлось согласиться. А жаль. Если бы знать все заранее, что может случиться в бою! Ведь даже думать не хотелось о трагическом исходе операции, хотя в ней не могло обойтись без потерь...

Винтокрылые машины начали принимать десантников. Молча они поднимались по трапу и занимали свои места согласно расчету. Их лица были спокойны. Никогда не сказал бы, что они идут на опасное дело, что кто-то из них в последний раз видит друзей, слышит их голоса...

Час лету — и на полукруглую площадку приземлились машины. В один миг их покинули воины и по крутому склону начали спускаться в ущелье. Потом старший сержант Мироненко со своими подчиненными ушел в дозор. Задача: в случае обнаружения противника сообщить о нем командиру роты, занять оборону и ждать подхода главных сил.

Группа Мироненко двигалась все дальше, внимательно просматривая горы. Как ни старались десантники обнаружить моджахедов, это им не удалось. Враг первым обнаружил десант и, не выдержав, начал обстрел.

Старший сержант Мироненко приказал солдатам укрыться за камнями. Огонь не открывали. Надо было установить численность противника, его намерения.

Через минуту-другую из далекого кишлака показалась большая группа вооруженных людей. Александр начал их считать, но потом прекратил, заметив, что выходит другая группа, не меньше первой. Немедленно передал об этом командиру роты.

Десантники короткими перебежками отошли назад, чтобы занять оборону за более выгодной грядой камней.

А моджахеды шли в полный рост, потом рассыпались в цепь по ущелью и, перебегая от одного камня к другому, с каждой секундой приближались. Что делать? Встретить их огнем?

Александр решил связаться с командиром роты. Включил радиостанцию, и в эфир полетели сигналы. Выждав несколько секунд, он переключился на прием. С волнением ждал ответа. Снова еще и еще раз вышел на связь, потом начал говорить открытым текстом. Мучительно долго тянулись секунды, и Александр понял, что его не слышат.

— Они уже близко,— крикнул ефрейтор Сергеев. — Разрешите открыть огонь?

Мироненко взглянул на часы: время ожидания подошло концу. Можно было, конечно, незаметно отползти, спрятаться за валунами. Но как же рота? Ведь ей грозила опасность. Противник навалится на нее как снег на голову. «Эх, будь что будет. Десантники не привыкли отступать»,— решил Мироненко, повернулся на бок, поднял над головой ракетницу.

Ракета взлетела в небо и расцвела красным тюльпаном. Это был самый крайний случай, который можно было использовать в безвыходной ситуации. Моджахеды сразу же их обнаружили и дали мощный залп из стрелкового оружия.

— Огонь! — выкрикнул Мироненко.

Десантники прижали противника к земле. Очереди их были меткими. Они перебежали от укрытия к укрытию, вели прицельный огонь, создавая видимость, что их много. Моджахеды, наверное, поверили, что имеют дело со взводом или ротой. Начали перегруппировку, а спустя некоторое время опять пошли в атаку.

— Не робей, ребята! — подбадривал Александр подчиненных. — Рота уже в пути, подмога идет.

Лобовая атака не удалась. Тогда враг предпринял обход.¹ Это заметили десантники. Мироненко дал команду ефрейтору Николаю Задворному прикрыть отделение с тыла. Моджахеды подходили все ближе. Воины пустили в ход «карманную» артиллерию — гранаты.

Мироненко несколько раз окликнул ефрейтора Николая Сергеева, но тот молчал. Окликнул ефрейтора Николая Задворного, в ответ — ни слова. Александр остался один.

— Просто так не возьмете! — вымолвил он, меняя в автомате последний рожок.

Рядом положил гранату. В этот миг пуля больно задела плечо. Только дал очередь по вставшим в рост моджахедам, как вторая пуля настигла его. Автомат еще действовал, и Александр вел огонь экономно, не давая врагу приблизиться. Они стреляли изредка, а пули ложились рядом с ним. Значит, хотели взять живым, чтобы получить за него плату: живой стоил дороже.

Но вот автомат замолк: кончились патроны. Александр отбросил его в сторону и, преодолевая острую боль, ослабевшей рукой взял гранату. Напрягая последние силы, выдернул кольцо. Лег на спину. Рванул края тужурки и, сжимая в руке гранату, положил ее на тельняшку.

Он смотрел на редкие кучевые облака, меж которых синело горное небо, такое синее, как полоски на его тельняшке. О чем он думал? Кто знает. Может, о маме, которая дни и ночи ждала и верила в счастливую судьбу? Может, прислушивался к рокоту двигателей БТР, на которых спешили им на помощь? Но услышал чужую речь, топот ног... Александр знал, что стоит ему разжать пальцы — и его не станет в одно мгновение. Он был при полном сознании и действовал с расчетом: пусть подойдут поближе.

А может, храбрый десантник в эти мгновения вспомнил пронзительные симоновские строки, написанные в годы Великой Отечественной: «В час, когда последняя граната уже занесена в твоей руке, и в краткий миг припомнить разом надо все, что у нас осталось вдалеке».

А вдалеке осталась Родина, родной город, мать, любимая...

Небо заслонили незнакомые черные лица, черные глаза, его больно ткнули ногой... Александр разжал пальцы...

Услышав взрыв гранаты, командир роты приказал ускорить движение, а через минуту десантники сбросились в атаку.

Лишь несколько моджахедов успели укрыться в горах.

В представлении в Президиум Верховного Совета СССР на присвоение гвардии старшему сержанту Александру Григорьевичу Мироненко звания Героя Советского Союза есть такие строки:

«... Дважды тяжело раненный, истекая кровью, он продолжал разить врагов огнем из автомата и гранатами. Когда кончились патроны, мужественный воин достал последнюю гранату Ф-1 и выдернул кольцо. Решив захватить гвардейца живым, моджахеды бросились к нему. Выждав, когда они подошли вплотную, гвардии старший сержант Мироненко взорвал их вместе с собой, уничтожив при этом 12 мятежников».

А вскоре приказом министра обороны СССР Герой Советского Союза гвардии старший сержант Александр Мироненко был навечно зачислен в списки личного состава роты одной из частей Краснознаменного Белорусского военного округа. В ней теперь нет ни одного солдата, сержанта или офицера, который бы лично знал Героя. Но, удивительно, все они знали о его подвиге. Об этом им рассказал ветеран-"афганец" Петр Демчук. Два года он находился в Афганистане, награжден орденом Красной Звезды. Слова бывшего воина западают в сердца солдат и сержантов роты Героя.

Бережно заправлена койка Александра, над которой висит его портрет. А на вечерней поверке каждый день старшина роты первой называет фамилию Мироненко.

Все это своими глазами увидела мать Героя. (Ее пригласило командование гарнизона на встречу с офицерами-«афганцами» и личным составом в день рождения воздушно-десантных войск в древний Витебск.) Увидела Валентина Гавриловна голубой берет, портрет сына и заплакала. Ее никто не успокаивал. Рядом стоявшие понимали: другой встреча и быть не могла. С годами боль не утихает.

И все же на душе у солдатской матери было тепло: ее сына, любимого Сашеньку, помнят в роте, гордятся, равняются на него.

Валентина Гавриловна встретила с офицерами, прапорщиками, сержантами и солдатами, побывала на тактических занятиях, парашютных прыжках, в солдатской столовой.

Мать уехала, а переписка с личным составом роты не оборвалась. Не рвется нить памяти...

В родительский дом Александра в город Душанбе идут письма. Их много. Пишут друзья-однополчане, ветераны, школьники. Все хотят знать, каким был Александр, как жил, учился, о чем мечтал...

Своими письмами, человеческой теплотой и заботой они поддерживают мать, воспитавшую такого сына.

Валентина Гавриловна бережно хранит берет, тельняшку и те немногие письма, которые сын присылал ей из Афганистана. Короткие, сжатые до предела восточки от него согревают ее сердце, и она понимает, что сообщить больше о своей службе он тогда не мог. Письма для нее теперь — единственная возможность общаться с сыном. И в эти минуты по-особому воспринимаются поэтические строки о подвиге Александра Мироненко:

**...Казалось, ветер, солнечный в сладкий,
Шептал меланхоличное: "Терпи!"
Но взрыв, потрясший каменные складки,
Откликнулся в седеющей степи.
Вздыхнул ковыль... Осыпались ромашки...**

*Но не уходят подвиги в запас.
И мать хранит горячий край тельняшки,
Который часто держит возле глаз.*

О Герое сказано не все. О нем пишут стихи, поют песни, из уст в уста передают рассказы о подвиге десантника и его боевых друзей.

— Все это — дань памяти воину, с честью выполнившему солдатский долг.

Григорий СОКОЛОВСКИЙ